

**ПРОНОМИНАЦИЯ КАК ПРИЕМ ИЗОБРАЖЕНИЯ ВЛАСТИ
В ПОЭМЕ ВЕН. ЕРОФЕЕВА «МОСКВА – ПЕТУШКИ»**

Башкирский государственный университет, Бирский филиал

Текст Вен. Ерофеева «Москва – Петушки» автономен и самодостаточен. Смысловый объем формируется как внутренне, так и получает импульсы снаружи. В поэме говорят конкретный исторический и художественный дискурсы, возникновение множества смысловых толкований текста сокрыто в самой процессуальности поэмы. Тема власти в «Москве – Петушках» раскрывается не буквально номинацией, но аллюзийно, реминисцентно, прономинативно.

Ключевые слова: прономинация, Вен. Ерофеев, Москва – Петушки, власть, аллюзия, интертекст.

Принципы возникновения прономинативности теоретически различны: это и замещение нарицательного имени именем собственным, и наоборот, и установление связи имен по категориальным приметам, и расширение эстетического многоголосия поэтического слова. Современное литературоведение проблеме прономинативности рассматривает в русле процесса синонимии – явления, расширяющего границы условной художественной парадигмы. Синонимия, наряду с антонимией и омонимией, вообще есть способ художественного рисования, создания главной приметы литературного текста – образности.

Литературный процесс настоящего органично использует прономинативность для замещения буквального названия факта, лица, свойства, формы, приметы, характеристики. Одновременно с этим, в тексте она выступает и как художественный прием, который изучен недостаточно подробно. На него указывается при филологическом действии лишь частично, есть определенные общие упоминания свойств прономинативности, не столь объемно говорится о ней применительно к постмодернистской поэтике. И все же данная категория имеет место в современной литературе, так как ее функционирование дает возможность авто-

ру/скриптору создать дистанцию между буквальным названием проблемы, темы и объемной рецепцией художественного полотна.

Во второй половине XX века многие концепты (власть, искусство, память, человек, идеология, текст, социум) становятся объектами деконструкции, претерпевают процесс демифологизации, обретают иные риторические обороты. Идея трансформации основного значения слова/знака массово включена в новый набор эстетических коллизий. Читатель и автор оказываются в условиях игры с текстом (в текст), пределы которой очерчены горизонтом ожиданий, дискурсивной семантической иерархией.

Следовательно, типологически верно применительно к прономинации также говорить и о ее перспективе в читательском сознании: со-присутствие в индивидуально-авторском тексте вариативности знаковых и смысловых граней. Описание и оценка времени, эпохи, состояния бытия возможны с помощью фиксированного равновесия приемов изобразительности и рецепции факта сближения небуквальных свойств, различных исторических координат. Именно это характерно для эпохи постмодерна, для цитатного диалога культурных форм. В русле такого подхода матрица тем, мотивов, проблем художественного текста уточняется, становится доступной, принятой читательским воображением.

Считается, что прономинация (лат. *pro* – вместо и *nominatio* – называние) есть вид метонимии, когда происходит замена имени нарицательного собственным (А.П. Квятковский, А.А. Реформатский). Этот процесс может иметь и характер реверса. Совмещение буквального значения слова и его версий имеет место быть в текстах русского постмодернизма первой волны – А. Битова («Пушкинский дом»), Вен. Ерофеева («Москва – Петушки»), Саши Соколова («Школа для дураков»), Вик. Ерофеева («Русская красавица» / «Russian Beauty», «Жизнь с идиотом»). В теории лексической семантики наличествует и другая точка зрения на природу прономинации, согласно которой она основывается на метафорическом переносе. Этот вопрос также актуален и для цитатной литературы в целом, и для поэтики постмодернизма в частности. Как отме-

чают А.А. Андреева, В.П. Москвин [3], прономинация есть стилистический прием (языковой слой), направленный на замену нарицательного имени собственным, в результате чего образуются единицы именуемые прономинантами. Таким образом, можно усматривать явление семантической деривации, корректирующее полистилистический уровень произведения. Прониминация в художественном тексте, помимо декоративной и оценочной функций, также выполняет и функцию смыслообразующую. Генерирование идейной нагрузки литературного полотна происходит как буквально в текстовой плоскости (знаковый феномен), так и в сфере интуитивного читательского рисования (интерпретационная модель).

Повествовательное поле поэмы Вен. Ерофеева «Москва – Петушки», прежде всего, «формируется за счет событий жизни самого автора (автобиографическая надстройка). Однако указанное произведение вовсе не литературная биография, оно связано с действительностью/реальностью иными отношениями, нежели книга мемуаров или дневник» [1, с. 209]. Не теряя, безусловно, биографических черт, поэма становится эстетическим явлением, ибо «последние претерпевают значительную перестройку и перевоплощение, в результате чего утрачивают свою специфически-личностную окрашенность, то есть становятся просто конкретным материалом» [7, с. 93], неотторжимым от произведения как целого. В данном случае «события не означают действия или происшествия личной судьбы, они являются объектом выражения. Событие всегда либо то, что уже в прошлом, либо то, что вот-вот произойдет. Оно – ненастоящее» [4, с. 784].

Отправными точками смыслообразования в «Москве – Петушках» служат все характерные черты письма Вен. Ерофеева – ироничность, прономинация, коллажность, метафоричность, параллелизм, сопоставление разноплановых понятий, повторы, которые призваны служить одновременно способом композиционной организации произведения и игры автора с читателем. Фабульную структуру текста обуславливают формы речевой игры, оттеняющие семантически осложненное содержание.

«Москва – Петушки» текст, созданный в условиях тоталитарного государственного режима, ограничивающего как собственно человека общества, так и автора в условиях мнимой свободы творчества. Наличная структура поэмы представляет собой не что иное, как цитатный, центонный, палимпсестный сбив в единое целое русской и европейской классики XIX-XX веков, идеологических клише, условно-известных культурологических формул, мифологических концептов, купюр из публицистики и периодики. Ерофеев подчиняет язык культуры принципам поэтической образности. Сочетание литературного запаса прошлого с рецептивно-настоящим раскрывает главное противоречие советской действительности: оппозиция «народ и власть».

Тема власти в поэме «Москва – Петушки» не звучит буквально, на нее дается намек, авторская отсылка, вызывается читательская аллюзия, возникает реминисценция. Говорить о власти в поэме с позиций новой эстетики не удастся ввиду пока еще не устоявшихся приемов (текст создается в конце 1960-х годов), вследствие «корректного» доведения до читателя главных оценок автором пережитого (судьба Ерофеева, судьба его семьи, арест отца по идеологической статье, ограниченность в выборе личного пути, запрещение публикации текстов).

Основной блок смысловых дериватов поэмы Вен. Ерофеева на уровне исторической константы «власть» связан, в первую очередь, с рядом топографических и идеологических наименований: Москва, Кремль, Красная площадь, серп, молот, Петушки. За буквально названными объектами виден также и уровень метафорической, ассоциативной прономинации: *«Все говорят: Кремль, Кремль. Ото всех я слышал про него, а сам ни разу не видел. Сколько раз уже (тысячу раз), напившись или с похмельюги, проходил по Москве с севера на юг, с запада на восток, из конца в конец, насквозь и как попало – и ни разу не видел Кремля»* [2, с. 23]. Не только Москва, но и вся Россия; не только ограниченный картой маршрут электрички Москва – Петушки, но и весь Мир; не только Кремль, но и Центр государственной машины; не только Красная площадь, но и

место концентрации власти; не только серп и молот, но и знаковый комплекс тоталитарной обстановки; не только Петушки, но и рай.

Текст поэмы автономен и самодостаточен, смысловой объем формируется как внутренне, так и получает импульсы снаружи. В нем говорят конкретный исторический и художественный дискурсы, возникновение множества смысловых толкований текста сокрыто в самой процессуальности поэмы. «Москва – Петушки» – текст открытый, имеющий большой смысловой потенциал (феномен, либо загадка Ерофеева). Процесс понимания ведет к толкованию или интерпретации художественной колористики произведения, то есть по существу, к пониманию действий реципиента (читательский закадровый разбор). Интерпретация «Москвы – Петушков» Вен. Ерофеева в ключе прономинаций есть имманентный процесс развертывания художественного полотна. Достижение перспективного смысла возможно только с учетом движения самого текстового конструкта в наличной культурной среде, в условиях комбинаторной бесконечности.

Демиургическое авторское начало диктует читателю и тип прочтения «Москвы – Петушков»: травестийный, игровой базис. Игра, травестия литературных принципов в тексте поэмы выражаются: а) введением в текст аллюзийного героя; б) приемом не-узнавания персонажа; в) игрой временем/пространством, наложением аллюзий разных временных и пространственных характеристик; г) приемом прономинации, с целью создания эффекта доступного рисования темы; д) интертекстуальной коллористикой. Текст «Москвы – Петушков» – культурная модель постмодернистской стратегии, в которой истина растворяется в многоуровневом диалоге точек зрения, как авторских, так и читательских. Сознание Ерофеева цельно и, аккумулируя коллективное, определяется суверенно-субъективным и самоценным, а созданный им текст – феноменологически значимым.

Именно узнавание и расшифровка по принципу прономинантов эстетически раскрывает отношение Ерофеева к происходящему. Власть для автора не что иное, как внешний облик/форма, способный не столько на конкретное воз-

действие, сколько на манипуляцию сознанием, причем стандартным. Текстовый нейтралитет всецело это подчеркивает: *«Этот круг, порочный круг бытия – он душит меня за горло! И стоит мне прочесть хорошую книжку – я никак не могу разобраться, кто от чего пьет: низы, глядя вверх, или верхи, глядя вниз»* [2, с. 91].

Лингвистическая организация, многоступенчатый план содержания создают мир художественного текста. Логически оформляя структуру повествования, Ерофеев отражает свою личностно-бытийную картину творчества. Герой «Москвы – Петушков», совместив в сознании грани художественного мира – реалии настоящего, перспективное будущее, событийную архаику, осуществляет метафорически-условный переход в пространство вечности: *«Да зачем тебе время, Веничка? Лучше иди, иди, закройся от ветра и потихоньку иди... Был у тебя когда-то небесный рай, узнавал бы время в прошлую пятницу – а теперь небесного рая больше нет, зачем тебе время?»* [2, с. 158]. Событие рассказывания (или правильнее повествования) преднамеренно раскрывает более тонкие связи, которые не столь уловимы как факты реалий. Балансируя на гранях смысловых полей, реципиент улавливает взаимодействия смысловых множеств. Спектр не ограничивается только литературным творчеством, он выходит в бездну жизни/существования. Содержание текста возвращается уже не столько сюжетом, мотивами, сколько ассоциативно-пунктуальным действием сознания. Максимально конкретизируя произведение, читатель предвосхищает собственные ожидания. Но как бы скоро не оформлялся новый уровень, он постоянно модифицируется в сложной цепи логики текста: *«Я не утверждаю, что мне – теперь – истина уже известна или что я вплотную к ней подошел. Вовсе нет. Но я уже на такое расстояние к ней подошел, с которого ее удобнее всего рассмотреть»* [2, с. 55].

Одновременно с этим, следует обратить внимание и на коннотативные значения прономинантов, так как они, расширяя поле смысла, сводят в единый центр рецепцию автора. Финальный эпизод поэмы – сцена убийства главного героя (Венички) – определяет и загнанность персонажа (неизвестный подъезд),

и его молчание: «*Они вонзили мне свое шило в самое горло...*» [2, с. 166], и последний условный зрительный образ (красная буква «Ю»), и классическую разверстку евангельского сюжета («*...они пригвоздили меня к полу...*» [2, с. 166]), и факт трансформации рациональных процессов: «*...с тех пор я не приходил в сознание, и никогда не приду*» [2, с. 166].

Чтение поэмы «Москва – Петушки» создает ситуацию эстетической игры. В повествовательной ткани текста заложена сложность, многоуровневость, ассоциативность сознания Ерофеева. Это помогает выявить духовную сущность героя, позволяет увидеть не только ход реальной жизни, но и тревогу, и тоску автора: «*О, эта боль! О, этот холод собачий! О, невозможность! Если каждая пятница моя будет и впредь такой, как сегодняшняя, - я удавлюсь в один из четвергов!..*» [2, с. 156]. Оперируя основными культурными кодами, знаками истории, литературными фактами, Ерофеев активизирует воображение читателя, заставляет его работать. Динамический процесс наличествует как в авторском замысле, так и в самом произведении. Дискурсивная практика (текст в действии) очерчивает условные границы, которые становятся контекстуальными ориентирами для читателя.

Таким образом, прием прономинативности является существенным для Вен. Ерофеева, с его помощью писатель стремится преодолеть тоталитарный барьер, за которым ему так хотелось видеть и ощущать свободу – творчества, мысли, слова. Герой, покидая мир текста, саморазрушая мир реальный, позволяет и читательскому сознанию приобщиться к новой, пока не известной модели социального поведения. Художественное пространство «Москвы – Петушкова» создается как с помощью стандартно кодовых постмодернистских приемов: симулякр, интертекст, условность мира, двойное копирование, так и приемов *небуквального* называния темы/мотива – аллюзия, реминисценция, прономинативность. Тоталитарная власть, прономинативно обозначенная в «Москве – Петушках», становится отправной точкой, условным модульным именем в ходе дальнейшего маршрута сознаний.

Литература

1. Безруков А.Н. Эстетическая целесообразность финала поэмы Вен. Ерофеева «Москва – Петушки» / А.Н. Безруков // Поэтика финала: межвузовский сборник научных трудов / под ред. д-ра филол. наук Т.И. Печерской. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2009. С. 209-214.
2. Ерофеев Вен. Собр. соч. В 2-х т. Т.1 / Вен. Ерофеев. – М.: ВАГРИУС, 2001. – 351 с.
3. Москвин В.П. Русская метафора: Очерки семиотической теории / В.П. Москвин. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 184 с.
4. Постмодернизм. Энциклопедия. Сост.: А.А. Грицанов, М.А. Можейко. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1040 с.
5. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык / И.С. Скоропанова. – СПб.: Невский Простор, 2001. – 416 с.
6. Тодоров Ц. Грамматика повествовательного текста / Ц. Тодоров // Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики / Сборник статей. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 176-189.
7. Уэллек Р., Уоррен О. Теория литературы / Р. Уэллек, О. Уоррен. – М.: Прогресс, 1978. – 326 с.